

ПОЛЕМИКА

Трудно совпадающие интересы

Заместитель директора Института Европы РАН **Владислав Белов** о том, почему сотрудничество с ФРГ для России интереснее, чем с Китаем.

Владислав Белов

Основным внешнеторговым партнером России (уже много лет) и Германии (с 2016 года) является Китай. Заключенный более 15 лет назад договор России с Поднебесной предусматривает всеобъемлющую кооперацию в торгово-экономической, научно-технической, энергетической, транспортной областях. Утвержден и план его реализации. На несколько лет позже ФРГ и КНР заявили о «стратегическом партнерстве в условиях глобальной ответственности». В 2014 году статус был повышен до «всеобъемлющего стратегического партнерства».

Для Пекина оба государства — ведущие партнеры в Евросоюзе и Евразийском экономическом союзе. С ними у него налажены многочисленные институциональные механизмы (особенно с Берлином). В начале июля, накануне саммита «двадцатки» в Гамбурге, председатель КНР Си Цзиньпин совершил государственные визиты в Россию и Германию. Многие политологи считают, что выстраиваемые Китайской Народной Республикой отношения с нашими странами являются «залогом разрешения глобальной экономической неопределенности». Китайские эксперты постоянно подчеркивают прагматический характер взаимодействия с РФ и ФРГ, которое должно содействовать «устойчивому и сбалансированному росту мировой экономики».

Но по факту речь идет о приоритетном обеспечении долгосрочных интересов именно китайского народного хозяйства — сложившаяся модель кооперации с Россией и Германией вполне соответствует им. Российская сторона — основной источник различных сырьевых ресурсов, немецкая — машин, оборудования, ноу-хау, инновационных технологий. С обеими странами у Китая устойчивое положительное торговое сальдо. Превратившись в мировую сборочную фабрику, он экспортирует самые различные промышленные товары с высокой добавленной стоимостью. Их качество постоянно растет. С другой стороны, ввоз готовой продукции находится под жестким контролем государства, как, впрочем, и деятельность иностранного сектора.

Одновременно китайские компании последовательно приобретают стратегические активы в западных странах, в том числе в ФРГ. В 2016 году они инвестировали в ведущие фирмы обрабатывающей промышленности Германии, в том числе в стратегически важные (например, в мирового лидера роботостроения компанию «Кука»), рекордные €11,6 млрд. Китай купил 58 немецких экономических субъектов (в 2015 году — 37). Федеральное Министерство экономики и энергетики смогло противодействовать ряду сделок, что вызвало негативную реакцию китайской стороны, на словах в последние годы выступающей за свободу мировой торговли. Китай также активно инвестирует в Россию. Не исключено, что наша страна стала одним из лидеров по его накопленным прямым инвестициям, многие из которых также вложены в стратегически значимые сферы. Немецкие и особенно российские капиталовложения в китайскую экономику существенно скромнее, но в основном они также сосредоточены в стратегических отраслях.

Долгосрочная стратегия Китая в полной мере проявляется в грандиозном инфраструктурном проекте «Один пояс — один путь», осуществляемом по китайским пра-

Идея по указанному Китаем пути экономического взаимодействия, ни России, ни Германии не следует забывать о собственных интересах. На фото: президент России Владимир Путин и председатель КНР Си Цзиньпин во время июльской встречи в Кремле

вилам и стандартам, за китайские деньги и с китайской рабочей силой. Он представляет интерес и для России, и для Германии, однако сегодня они могут рассчитывать только на роль второстепенных участников. Представляется, что для КНР реальное партнерство ограничивается ее глобальными целями, которые не всегда совпадают с интересами РФ и ФРГ. Там, где они расходятся, начинается китайский протекционизм. По этому важной задачей на ближайшие четыре года становится необходимость углубления российско-германского сотрудничества, координации совместных инициатив, в том числе в тех стратегических сферах, которые интересны для Китая и в которых наши страны смогут побудить его к сбалансированному учету интересов всех участников.

Хозяйственная кооперация между Германией и Россией даже в условиях жестких санкционных режимов строится на стремлении к соблюдению взаимных интересов и способности к конструктивному диалогу. Одним из примеров является готовность российского го-

сударства идти навстречу немецкому бизнесу в непростых вопросах повышения эффективности отечественных механизмов локализации и импортозамещения.

В последние годы приоритетным должно стать выстраивание отношений между ЕС и ЕАЭС, где наши страны объективно играют роль лидеров и в которые объективно встроены наше экономическое сотрудничество — теперь оно не может опираться только на двустороннюю российско-германскую базу. Политические сложности не должны помешать неформальным переговорам на уровне экспертов и определению будущих векторов взаимодействия, например в области стандартов и сертификации. Кстати, в послед-

ней области существенного прогресса в обсуждении достигла международная рабочая группа «Единое экономическое пространство от Лиссабона до Владивостока», созданная пару лет назад по инициативе Ульфа Шнайндера (основатель компании «Шнайдер групп»). Ее основные идеи сформулированы в «Берлинском меморандуме», принятом в апреле — он открыт для ознакомления

Для КНР партнерство ограничивается ее глобальными целями, которые не всегда совпадают с интересами РФ или ФРГ. Там, где они расходятся, начинается китайский протекционизм

ДИСКУССИЯ

Санкции: держаться или отменить?

В середине октября в Сочи президент России Владимир Путин встретился с топ-менеджерами крупнейших немецких компаний. Немецкий бизнес, пожалуй, оказался выразителем той дискуссии о санкциях, которая сейчас идет в Германии. Подробнее — **Петер Кепф**.

Петер Кепф

У Генриха Оттерполя, председателя правления холдинга AEG Industrial Engineering (AEGie), есть мечта: «Мы хотим модернизировать российские газопроводы, которые AEG и Mannesmann строили в 1970-е годы». Благодаря современным технологиям AEGie можно существенно повысить КПД турбин и компрессорных станций, расположенных через каждые 100 км, чтобы компенсировать падение давления в трубопроводе. Такая модернизация может быть интересна и эксплуатирующим компаниям, поскольку не предполагает установки новых турбин. А для AEGie это была бы очень крупная сделка.

Однако немецкая мечта не может стать реальностью. «В нефтегазовом секторе мы сейчас не можем работать с российскими клиентами из-за санкций», — рассказывает из-за границы Оттерполь. Он призывает ослабить санкции, которые «все равно не работают». Русские научились об-

ходиться без масштабного импорта из Германии или Европы, теперь они все закупают в Китае. Санкции вредят больше нам, чем России. Нам нужно наконец начать снова разговаривать друг с другом».

Председатель Свободной демократической партии Кристиан Линднер еще до сентябрьских выборов в Бундестаг призывал к «перезагрузке» отношений с Россией. Ему представляется, что также следует поощрять и определенные положительные шаги в данном направлении. Тогда же он нарушил табу, заявив: «Боюсь, пока Крым следует рассматривать как долгосрочное временное решение».

В сухом остатке авторы призывают признать статус-кво, поскольку в настоящий момент ничего другого в Крыму достичь не удастся

Нужно позволить данному конфликту «инкапсулироваться», чтобы обеспечить возможность подвижек в других моментах». Дескать, это удалось во время холодной войны, когда правительство Федеративной Республи-

ки смогло выстроить конструктивную восточную политику, хотя аннексию прибалтийских республик Советским Союзом до самого конца никто не признал.

К аналогичной аргументации прибегает и Восточный комитет немецкой экономики, указывающий, что обусловленные санкциями убытки для бизнеса в Германии и России выражаются «трехзначным числом в миллиардах». Об альтернативных решениях сегодня задумываются не только представители левого и правого флангов, как Сара Вагенкнехт («Левые») и Александр Гауланд (АдГ), но и политики во всех остальных партиях — об этом Карстен Вейтг (СДП) писал в предыдущем выпуске «Петербургского диалога».

Конечно, действующий канцлер тоже хочет «снова иметь разумные, добрые отношения с Россией», отметила Ангела Меркель 8 сентября в Страсбурге. Однако предпосылкой для этого является «мирная обстановка» на востоке Украины: «В тот момент, когда это произойдет, мы снова откажемся от санкций».

Отвечать на предложение господина Линднера по Крыму Ангела Меркель предоставила своему спикеру, которая напомнила, что аннексия Крыма явила собой нарушение международного права и ставит под вопрос европейский мирный порядок.

Апеллировать к прежним временам до Кристиана Линднера пытались и два других автора, живущих

в журнале Osteuropa («Восточная Европа») «программные идеи для новой политики в отношении России». Маттиас Дембинский и Ханс-Йоахим Шпангер из Гессенского фонда проблем мира и исследования конфликтов приводили слова Ханса Моргентаву, еще во время холодной войны предупреждавшего: опасно «прикрывать собственные устремления и действия видимостью универсальных моральных целей». Вместо этого господина Дембинский и Шпангер призывают к «плюральному миру». Вместо того чтобы, как это происходит сейчас, безуспешно добиваться, чтобы Россия подстроилась под либеральные нормы Запада, нужно признать нормативные различия, дабы получить возможность последовательно преодолевать их. С их точки зрения, необходима «деидеологизация политики». В сухом остатке авторы призывают «признать статус-кво», поскольку в настоящий момент ничего другого в Крыму достичь не удастся, и принять аннексию как fait accompli (свершившийся факт). Кроме того, нужно дать России убедительные основания верить, что Украина и другие государства региона не будут приняты ни в Евросоюз, ни в НАТО. А Россия взамен должна заслужить право на толерантность посредством уважения фундаментальных прав человека и воздержания от экспансионизма (Джон Роулз).

Оппоненты на страницах того же издания отвергают такие предложе-

ния как «далекие от реальности» и вводящие в заблуждение и сгущают на «признание политики великодержавности и сфер влияния». Не агрессивная западная политика расширения вбивает клин между Россией и Европой, убежден Штефан Майстер из Немецкого общества внешней по-

Разумеется, необходимо стремиться к диалогу, но отмена санкций должна быть привязана к выполнению критериев Минска

литики, а «нацеленная на гегемонию политика российского руководства, способствующая поиску альтернативных партнеров и занятию оборонительной позиции по отношению к попыткам доминирования России над своими постсоветскими соседями». Нарушение правил и табу, а также использование военных для реализации интересов стали отличительными чертами политики Кремля. «В картине мира российского президента, — говорит господин Майстер, — уступает не умный, а слабый». И, поскольку с Путиным ни

правила, ни соглашения не способны обеспечить стабильность и предсказуемость, «альтернативы санкциям за нарушения в настоящий момент не существует».

Такое же мнение в интервью нашей газете выразил и спикер фракции «Союз 90/Зеленые» по вопросам внешней политики Оmid Нурипур: «Аннексия Крыма и интервенция на востоке Украины Россия нарушила международное право. Теперь мы не можем просто перейти к повестке дня и делать вид, будто эти нарушения никогда не было». Разумеется, необходимо стремиться к диалогу, но отмена санкций должна оставаться привязанной к выполнению критериев Минска, отмечает он. На этот счет в его партии существует консенсус, подчеркивает господин Нурипур.

Его однопартиец Джем Оздемир, потенциальный министр иностранных дел от «Зеленых», тоже отвергает идею Кристиана Линднера, которую он назвал «ошибочным путем для ответственной и сильной внешней политики Германии». Это звучит как заявка на должность в МИДе.

Генриху Оттерполю «зеленый» министр иностранных дел кажется не идеальным исходом коалиционных переговоров. Он предпочел бы другое решение: «Если господин Линднер хочет претворить свой призыв в действительность, пусть он этим и займется, воздав германский МИД».

и подписания всеми желающими. Последнее (шестое) заседание группы состоялось в Берлине 25 сентября.

В евразийском контексте стратегически важным является транспортно-логистическое сотрудничество. Здесь уже накоплен большой потенциал кооперации между ФРГ и РФ. Его давно пора критически осмыслить. Транссибирский вектор евразийской логистики может стать относительно самостоятельным по отношению к китайским видениям этого коридора (одного из семи) «Шелкового пути». Его несомненным преимуществом должно стать развитие прилегающих к Байкало-Амурской магистрали регионов: создание логистических центров и новых рабочих мест, доступ к сибирским ресурсам. В европейской части Россия нуждается в стратегических партнерах по строительству высокоскоростных железнодорожных магистралей и современных автобанов (в рамках европейских коридоров) — немецкие компании здесь куда надежнее китайских.

Перспективным может стать сотрудничество в реализации российских проектов по масштабному развитию транспортной инфраструктуры Северо-Западного прохода и Северного морского пути (одна из реальных альтернатив коридорам «Шелкового пути»). Китай уже заявил о своем интересе к ним. Речь также идет о так называемом арктическом коридоре, который соединит железнодорожную сеть России и Финляндии с глубоководными портами Северного Ледовитого океана. Немецкие партнеры пока занимают выжидательную позицию.

Хорошие перспективы продолжения российско-германской кооперации существуют в области арктических исследований и возможного сотрудничества в освоении богатейших ресурсов Арктики. На мой взгляд, интересы Германии существенно ближе к российским, нежели интересы Китая. Соответственно, здесь больше возможностей для взаимовыгодной кооперации с немецкими игроками.

Беспорным преимуществом кооперации России и Германии является энергетическое сотрудничество, которое сегодня сталкивается с противодействием Брюсселя, ряда стран ЕС, а теперь еще и США. Но лейтмотивом остается необходимость его продолжения и, несомненно, стратегический характер. Это не только проект «Северный поток-2», но и взаимодействие в нефтяной и угольной отраслях, электроэнергетике, возобновляемых источниках энергии. Китайский вектор для России здесь куда менее перспективен.

Особенно интересным и многообещающим представляется далеко идущая международная кооперация в области цифровой трансформации (дигитализации) и практической реализации разработанной в Германии стратегии «Индустрия 4.0». Россия и ФРГ находятся в самом начале пути взаимодействия в сфере так называемой четвертой промышленной революции. Восточный комитет немецкой экономики в рамках Петербургского международного экономического форума в начале июня подписал соглашение с РСПП о создании совместной платформы по обмену ноу-хау и обсуждению германско-российских кооперационных проектов в этой сфере, а также по созданию демонстрационного Центра немецкой экономики по вопросам дигитализации. Но кооперации на уровне ответственных министерств пока нет, а вот немецко-китайское сотрудничество в этом направлении ушло далеко вперед. Но вряд ли Германия сможет получить от него такой же положительный эффект, как от потенциальной кооперации с Россией.

Итак, и для ФРГ, и для РФ сотрудничество с Китаем является неотъемлемой частью внешнеэкономической деятельности. Оно складывается непростой — основной успех достигается там, где интересы совпадают. В то же время есть и явные неудачи, в том числе связанные со специфической поведенью китайских партнеров. Будущее хозяйственно-политическое взаимодействие Германии и России в стратегических сферах должно быть выгодно и понятно Китаю. Убедить, а особенно заинтересовать Пекин в этом очень сложно, но возможно. В случае успеха Поднебесная может стать равноправной стороной будущего стратегического экономического треугольника.